

Цензурная редакция комедии А. Н. Островского «Доходное место»¹

Среди русских классиков XIX в. Островский остается, пожалуй, наименее изученным в текстологическом отношении. Творческая история многих его произведений до сих пор не была подробно описана, многие важнейшие материалы остаются в архивах, а существующие исследования, пусть и достойные, немногочисленны [см., напр.: Кашин 1913]. Даже сейчас в хорошо известных архивах возможны находки крупных произведений драматурга [см.: Рахманькова 2011]. Комедия «Доходное место» (1857) не становилась предметом тщательного изучения. В нашей статье мы рассмотрим писарскую копию пьесы, хранящуюся в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке [см.: СПбГТБ. 26006]².

Единственным исследователем, обратившим внимание на существование этой рукописи, была Л. Н. Смирнова. В комментарии к «Доходному месту», помещенном в Полном собрании сочинений Островского, она охарактеризовала ее следующим образом:

Т<еатральная> п<исарская> к<опия> <...> восходит к ч<ерновому> а<втографу>, но она снималась на ранней стадии работы, в ней не учитываются многие авторские исправления, сделанные в ч<ерновом> а<втографе>. Т<еатральная> п<исарская> к<опия> не может служить источником текста, но интересна тем, что в нее не вошли многие наиболее острые и разоблачительные реплики и монологи, бывшие уже в первом слове ч<ернового> а<втографа>. Сделано это явно с ведома автора, пытавшегося таким образом обойти цензурные затруднения [Смирнова 1974: 700].

Приведенная характеристика в целом справедлива и точно определяет место этой редакции в творческой истории пьесы. Однако, по всей видимости, в силу издательских ограничений,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-04-0013).

² Листы в единице хранения не нумерованы. Далее все ссылки на текст цензурной редакции даются по ней без повторного указания шифра.

Л. Н. Смирнова не пояснила, какие именно фрагменты пьесы были исключены. Между тем, автоцензурная редакция «Доходного места» представляет значительный интерес как с точки зрения изучения творчества Островского, так и с точки зрения истории цензуры: она позволяет понять, как Островский оценивал, насколько его комедия отвечает требованиям драматической цензуры, и насколько его понимание соотносилось с реальностью. Именно эти проблемы мы и рассмотрим.

В этой статье мы не будем подробно анализировать черновой автограф комедии [см.: РГАЛИ. Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 1]³. Именно к этому автографу, по наблюдениям Л. Н. Смирновой, восходит цензурная редакция, поэтому, формально говоря, следовало бы сопоставлять именно эти два источника. Однако все упомянутые и цитированные нами далее сокращенные или измененные в процессе создания цензурной редакции фрагменты встречаются и в черновом автографе, и в печатном тексте, поэтому для удобства мы будем ссылаться именно на опубликованный текст.

Чтобы добиться постановки комедии на сцене, Островский подверг ее кардинальной переработке, создав фактически отдельную редакцию пьесы. «Доходное место» было сокращено. Наиболее очевидная и легко ожидаемая группа сокращений — многочисленные упоминания о взяточничестве и вообще неблагоприятном поведении чиновников. Вообще прямые упоминания об этих проблемах в пьесе зачастую исключаются. Так, вместо слов Вышневецкого «Из любви к вам я готов даже на преступление. Чтобы только купить вашу любовь, я готов заплатить своим бесчестьем» [Островский 1974: 41] в цензурной версии остались слова: «Из любви к вам я готов на все». В разговоре Юсова с Белогубовым сняты слова первого из них: «Чего еще нужно чиновнику?» [Островский 1974: 43] (по мнению Юсова, чиновнику нужно исключительно, чтобы на него обратило внимание начальство). Подобных примеров можно было бы привести еще несколько десятков, однако очевидно, что они носят косметический

³ Отсканированная копия доступна для просмотра по ссылке: URL: <http://unikdoc.rusarchives.ru/GRSearch/Search/Details/e79ddcaf-2091-49cc-82c9-96e78ccf0047> (дата обращения: 01.10.2014).

характер. Из сюжета пьесы сомнительная законопослушность и невысокая нравственность российского чиновничества вполне очевидны.

Очень последовательно сокращены Островским указания на то, где служат его герои: вместо «присутствия», например, речь теперь идет только о «службе»; за редкими исключениями, из текста пьесы исчезают слова «чиновник» и «взятки». Разумеется, подобные сокращения не могли никого обмануть, однако должны были сделать пьесу более «приличной» в глазах цензоров. Вообще, описанные в пьесе события предельно деконкретизированы: снято даже косвенное указание на то, что действие происходит в Москве, в упоминании героями «подмосковных» владений и Марьиной рожи [см.: Островский 1974: 41, 80].

Схожие примеры — снятие отдельных грубых слов и выражений, особенно употребляемых по отношению к высокопоставленным лицам. Когда Вышневецкая читает любовную записку, она комментирует ее, говоря не: «И какие пошлости написаны! Какие глупые нежности!» [Островский 1974: 42], — а: «...и какие глупые нежности написаны!..». Подобных мест в цензурной редакции немало. Очевидно, они также свидетельствуют скорее о стремлении цензуры сохранить «приличия» на сцене, чем о ее желании следить за содержательными моментами. В конце концов, суть записки из слов Вышневецкой остается вполне понятной и без слова «пошлости».

Однако в цензурной редакции есть и более содержательные изменения, свидетельствующие о том, что Островский опасался не только склонности цензоров к поддержанию приличного тона на сцене, но и идеологических требований. Особенно тщательно драматург удалял все места, где речь идет о том, что нечестные чиновники встречаются и за пределами ведомства, управляемого Вышневецким. Отсутствует, например, восклицание Жадова: «Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости?» [Островский 1974: 48]. Нет в пьесе и рассуждения Юлиньки о типичных порядках в российской государственной службе:

Ведь он служащий, а служащим всем дарят, кому что нужно. Кому материи разные, коли женатый; а коли холостой — сукна, трико; у кого лошади — тому овса или сена, а то так и деньгами [Островский 1974: 58].

Не менее тщательно Островский устранил и многочисленные упоминания о бедности, на которую обречен всякий честный российский чиновник и которой стремятся избежать чиновники нечестные. Например, исчезли обращенные к Жадову слова Вышневецкого: «И что ж оказывается! Вы честны до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой!» [Островский 1974: 109]. В своем финальном монологе Жадов не упоминает о лишениях, которые готов претерпеть. Сам Вышневецкий, попав под суд, больше не рассуждает о грозящей им с женой бедности:

...бедные люди позволяют своим женам ругаться. Это у них можно. Если бы я был тот Вышневецкий, каким был до нынешнего дня, я бы вас прогнал без разговору; но мы теперь, благодаря врагам моим, должны спуститься из круга порядочных людей [Островский 1974: 107].

Устранены и слова Жадова о том, что его «падение» вызвано состоянием общества: теперь оно скорее объясняется личной слабостью героя. Тем самым, в «Доходном месте» не осталось не только обобщенной картины всеобщего воровства чиновников, но и его мотивировки. Островский явно был уверен, что цензура едва ли высоко оценит обобщенное изображение российского чиновничества в целом, тем более негативное.

Помимо этого, Островский подверг переработке и другие потенциально опасные в цензурном отношении места. Устранены содержащиеся в пьесе фрагменты и даже отдельные слова, которые могут трактоваться как относящиеся к сословным вопросам, в особенности упоминания слова «благородный». Так, сокращению или исключению подверглись все разбросанные по тексту рассуждения о «благородном» воспитании, которое

Кукушкина дала своим дочерям. Исследователи «Доходного места» на эту проблему не обращали внимания, однако последовательность и систематичность правки свидетельствует, что Островский считал тему воспитания, особенно женского, актуальным и злободневным вопросом, которую цензура едва ли стерпит. В цензурной редакции, например, снята фраза Вышневецкой: «У нас очень дурно воспитывают девушек» [Островский 1974: 47]. Более значительным переменам подвергся диалог Жадова и Кукушкиной в действии IV. В похвалах Кукушкиной вместо «благородного» [Островский 1974: 91] упоминается просто «хорошее» воспитание. Полностью изменена характеристика этого воспитания. «Благородное» воспитание в печатном тексте описано так:

...отдать их в пансион. Для чего это, как вы думаете? Для того, чтобы они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, не видали низких предметов, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни, благоденствию в словах и поступках [Островский 1974: 90].

Вместо этого пространного фрагмента в цензурной редакции остаются лишь слова: «...чтобы они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни». Исчез из речи Кукушкиной и еще один обширный фрагмент, характеризующий ее методы воспитания:

Разве они у меня так жили? У меня порядок, у меня чистота. Средства мои самые ничтожные, а все-таки они жили, как герцогини, в самом невинном состоянии; где ход в кухню, не знали; не знали, из чего щи варятся; только и занимались, как следует барышням, разговором об чувствах и предметах самых облагороженных [Островский 1974: 91].

Помимо темы женского воспитания, затронута в пьесе и тема воспитания мужского. Та же Кукушкина, например, мечтает увидеть в муже своей дочери «человека с нежными чувствами и с образованием» [Островский 1974: 91]. В цензурной редакции

из этой характеристики исчезло слово «образование», под которым героиня, очевидно, имела в виду не Московский университет (его закончил Жадов, а ему, по мнению Кукушкиной, как раз образования и не хватает), а нечто подобное ее «благородному воспитанию». Жадов, придерживающийся иных воззрений на суть подлинного «воспитания», упрекает Кукушкину: «Вы пожилая женщина, дожили до старости, вырастили дочерей и воспитывали их, а не знаете, для чего человеку дана жена» [Островский 1974: 91]. Реплика эта была слегка отредактирована: слово «воспитывали» в ней было снято⁴.

Итак, тема воспитания, в особенности женского, судя по автоцензуре Островского, оказалась для пьесы не менее важной, чем создающая фабульное движение тема чиновничества. Проблемы воспитания в России действительно постоянно поднимались в публицистике второй половины 1850-х гг. — достаточно вспомнить, например, статью Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856). Для драматурга этот вопрос, очевидно, был не менее злободневным, чем окруженная грандиозным шумом в прессе тема взяточничества. Опасаясь вмешательства драматической цензуры, Островский был вынужден целиком снять серьезное обсуждение героями темы «воспитания». Возможно, цензура, по мнению драматурга, могла усмотреть в словах Кукушкиной намек на институты благородных девиц, критиковать которые в печати (и тем более на сцене) строжайше запрещалось, тем более что Полина и Юлинька, со своим невежеством в практических жизненных вопросах, действительно близки к стереотипному образу институтки [об этом образе в русской печати см.: Белоусов 2005; о неофициальном цензурном запрете на обсуждение в печати недостатков институтов благородных девиц в 1857 г. см.: Чумиков 1899: 588]. «Пансион» Кукушкиной, с его подчеркнутым «благородством», и вправду может быть сочтен намеком на благородный институт.

⁴ В отличие от других случаев, впрочем, комизм ситуации сохранился: Жадов в лицо называет «пожилой» свою тещу, которая искренне верит, что еще легко способна выйти замуж.

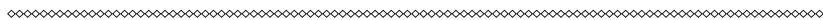
Наконец, немало фрагментов пьесы снято, по всей видимости, просто из осторожности. К таким фрагментам относятся, например, многочисленные фразы Юсова, свидетельствующие о том, что этот персонаж — по-своему верующий человек, руководствующийся в некотором смысле «христианскими» нравственными нормами, например: «Помня свою бедность, нищую братию не забываю» [Островский 1974: 78]. Островский явно опасался, что цензура, известная своими строгими требованиями к религиозным вопросам, могла немедленно запретить комедию на этом основании. Сюда же относятся и пространные монологи Вышневого, доказывающие нелепость благородных теорий Жадова, — их объем в цензурной редакции был значительно сокращен, хотя, в сущности, они произносятся персонажем, едва ли способным вызвать читательское сочувствие.

Итак, Островский предпринял значительные усилия, чтобы сделать свою пьесу приемлемой в цензурном отношении. Драматург учел множество возможных требований, которые сотрудники Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии, ведавшие драматической цензурой, могли предъявить к его произведению. Строго говоря, в отличие от членов обычных цензурных комитетов или даже Главного управления цензуры, сотрудники цензуры драматической не руководствовались никакими формально зафиксированными правилами, а потому Островский не мог знать наверняка, чего они будут требовать от его произведения. Тем не менее определенные познания в этой области у Островского были. Разумеется, об опасности, угрожающей любому автору, затронувшему религиозные темы или допускавшему грубые выражения по адресу высокопоставленных лиц, Островский знал, как знал о ней и любой драматург его времени. О нелюбви цензоров к словесным вопросам, особенно поднятым на сцене, Островский узнал по собственному горькому опыту: именно за оскорбление русского купечества была запрещена его комедия «Свои люди — сочтемся!», которая, к моменту создания «Доходного места», еще не увидела сцены.

Тем не менее как очевидно из дальнейшей цензурной истории «Доходного места», Островский совершил ошибку. Цензура все же запретила постановку комедии [см.: Ревякин 1955: 270—275]. Очевидно, некоторых особенностей деятельности драматической цензуры Островский не знал. Вся его правка, за редчайшими исключениями, сводится к исключению тех или иных мест, которые цензура могла бы счесть опасными. Между тем, далеко не все драматические произведения запрещались исключительно потому, что в них встречались те или иные неудобные фрагменты. Как раз более частотной причиной было «неудобство» для сцены всего сюжета и образов пьесы в целом. Разумеется, никакие сокращения не могли скрыть от цензоров того факта, что Островский писал крайне злободневное произведение, в котором резко изображался бюрократический аппарат Российской империи в целом.

Такие произведения могли, в период подготовки Великих реформ, даже одобряться некоторыми кругами высокопоставленных чиновников — так называемых «либеральных бюрократов», которым покровительствовал великий князь Константин Николаевич. Широко известно, что многие «обличители» участвовали, например, в «Морском сборнике», которому великий князь покровительствовал. Судя по автоцензуре «Доходного места», Островский рассчитывал на поддержку либеральных бюрократов. Например, в последнем монологе Жадова в цензурной редакции появились существенные изменения. В печатном тексте этот монолог выглядит так:

...общество мало-помалу бросает прежнее равнодушие к пороку, слышатся энергические возгласы против общественного зла... Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков; а в сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорил, что начинает создаваться общественное мнение... что в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растет, растет и принесет плоды. Не увидите вы, так мы увидим и возблагодарим Бога. Моей слабости вам нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человек; у меня мало воли, как почти у всех нас. Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь [Островский 1974: 109].

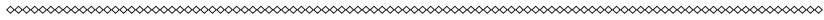

В автоцензурном варианте монолог имеет следующий вид:

...общество бросает прежнее равнодушие к пороку. Я говорил, что у нас пробудилось сознание своих недостатков, что во всех воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно приносит плоды. Мы видим и благодарим Бога. Моей слабости вам нечего радоваться. У меня мало воли...

Как нетрудно заметить, драматург не только в очередной раз удалил слова об «образовании», — даже на грамматическом уровне речь Жадова меняется: в монологе появляются пассивные формы, а время сменяется с настоящего на прошедшее. «Чувство справедливости», судя по всему, «воспитывается» в обществе благодаря усилиям правительства, то есть тех самых просвещенных бюрократов; сознание недостатков в нем уже «пробудилось», вероятно, благодаря уже предпринятым правительством усилиям. Напротив, в печатной версии монолога речь идет о том, что общество «пробуждается» как бы само собою, без руководства свыше, а крупные чиновники вроде Вышневого даже не способны этого заметить, хотя процесс этот все еще происходит буквально у них на глазах. Различия здесь принципиальны: упование на собственные возможности общества было скорее в духе не любивших бюрократию славянофилов наподобие К. С. Аксакова, а не государственных чиновников, предполагавших, что правительство должно инициировать общественные преобразования.

Надежды Островского оказались тщетны: в отношении цензуры к «обличениям» на сцене произошли значительные перемены и точка зрения либеральных реформаторски настроенных чиновников оказалась менее актуальна, чем более консервативная позиция [см.: Зубков 2013]. Многочисленные изменения так и остались в представленном в драматическую цензуру экземпляре комедии, которая не увидела сцены еще много лет. Тем не менее характер этих изменений позволяет сделать важные выводы о характере взаимодействия драматурга и цензуры. Островский пытался при-

275.

Смирнова 1974 — Смирнова Л. <Комментарий к пьесе> «Доходное место» // *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1974. Т. 2. С. 700—714.

СПбГТБ — Санкт-петербургская государственная театральная библиотека. Отдел редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов.

Чумиков 1899 — Чумиков А. А. Мои цензурные мытарства // *Русская старина.* 1899. № 12. С. 583—600.